

АЛЕКСАНДР ГОГУН, ВЛАДИМИР ГИНДА

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТОВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Лауер В. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні / Пер. з англ. С. Коломійця, Є. Ровного. – К.: Зовнішторгвидав України; Український центр вивчення історії Голокосту, 2010. – 368 с.

Работа преподавателя университета им. Людвига-Максимилиана (Мюнхен) Венди Лауэр «Создание нацистской империи и Холокост в Украине», ранее опубликованная в США¹ и вызвавшая там позитивные, даже восторженные отклики²,

* Стаття написана благодаря финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf).

¹ Lower W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. – 307 p. Далее в скобках ссылки на страницы украинского издания.

² Выдержки из рецензий см.: http://uncpress.unc.edu/browse/book_detail?title_id=1314.

издана на украинском языке³. Название книги не вполне соответствует содержанию. Монография представляет собой образец того, что на немецком языке называется «Fallstudie» – исследование определенно-го процесса или явления на частном примере. В данном случае предметом исследования стала оккупационная политика Третьего рейха не во всей Украине, а в генеральном округе Житомир, включавшем в себя Житомирскую, северную часть Винницкой и западные части Киевской областей, а также юго-восток Белоруссии.

Поскольку с момента открытия бывших советских архивов подобных документированных работ по оккупации Восточной Европы появилось не так уж много⁴, то монография не может не привлечь внимания заинтересованного читателя. Помимо литературы на пяти языках, книга базируется на материалах ряда архивов Германии, США, Чехии и Украины. Основной массив источников – из Государственного архива Житомирской области (ДАЖО), фондов генерального комиссариата «Житомир», гебитскомиссариатов, районных и сельских управ региона, немецких полицейских структур. К этим документам в данном архиве, как минимум, до лета 2010 г. без объяснения причин «посторонних» ученых не допускали.

Работа состоит из введения, заключения, а также восьми тематических разделов, сформированных по проблемно-хронологическому

³ К сожалению, большинство недочетов американского издания, на которые было указано в рецензии украинского исследователя, перенесены в украинский перевод без исправлений. Этот факт еще более печален, если учесть, что автор, похвалив рецензию, тем самым косвенно признала правоту критики, указав на неточность лишь одного замечания (*Лауер В.* Зауваження до рецензії І. Дерейко // *Голокост і сучасність*. – 2008. – № 1 (3). – С. 170). См. также: *Петровський В., Семененко В.* Ще раз щодо Холокосту. Wendy Lower, Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine // *Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник*. – Вип. 8. – Харків; Київ: Критика, 2006. – С. 232–239.

⁴ *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton, NJ [a. o.]: Princeton University Press, 2001; *Chiari, Bernhard.* Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. – Düsseldorf: Droste, 1998; *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Branovicze 1939–1944: Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. – Berlin: Schöningh, 2009; *Felder B.M.* Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940–1946. – Paderborn: Schöningh, 2009.

принципу: «Нацистский колониализм и Украина», «Военное завоевание и социальное переустройство, июль–август 1941 г.», «Администрация Вермахта в Житомире», «Прокладываемая дорога геноциду», «Генеральный комиссариат Житомир, 1942–1943 гг.», «Машина уничтожения в Генеральном округе», «Колония Гимmlера в Хегевальде: эксперименты нацистов по переселению и фольксдойче», «Закат правления нацистов, 1943–1944 гг.». Девятый раздел, представляющий собой заключение, носит заголовок «Отголоски нацистского правления».

Если большинство историков до сих пор рассматривают гитлеровские планы покорения Восточной Европы как результат выдающегося, исключительного по жестокости расизма национал-социалистов, то автор развивает тезис о том, что агрессивный империализм Третьего рейха опирался на глубокую, извилистую и гибкую, а потому крайне стойкую традицию германского шовинизма. Нацизм предстает перед читателями высшей стадией колониализма.

Благодаря тщательной работе с документами нацистской администрации низового и среднего уровня автор убедительно показала, что сотрудники оккупационного аппарата не являлись бездумными исполнителями планов, высылаемых из Берлина, а были наделены определенной свободой действий. В этом смысле гитлеровцы следовали существующей по сей день немецкой практике управления. В рамках закона у исполнителя существует «пространство для маневра» при принятии решения по многим конкретным, порой даже животрепещущим вопросам. В Германии это правило, как ни странно, не приводит к повальному измождению. Но в Восточной Европе, в частности, в Украине, обладающей традициями кумовства и подношений, коррупция стала разъедать оккупационный аппарат. Тем более, что для покоренных земель действовали другие правила, нежели для «ядра» Рейха. Да и функционеры на местах были весьма далеки от образа «уберменшей», причем как командный состав СС и полиции, так и гражданская администрация. Если нацистские офицеры изображаются автором как прирожденные садисты, то бюрократы – как «восточные неудачники» (*нем.* Ostnieten), получившие власть маргиналы, прибывшие в бедную и пострадавшую от большевизма страну с целью избавления от собственного комплекса неполноценности. Эти горе-руководители охотно становились извергами.

Как полагает автор, пожалуй, единственным вопросом, в котором взяточничество на германскую администрацию не действовало, было истребление евреев.

Интерес представляет описание Венди Лауэр внутрисистемных конфликтов между гражданской администрацией и полицейскими структурами. Эта линия противостояния была обозначена Александром Даллиным в его классической работе о германской оккупации СССР, но рецензируемая монография дополняет тезис конкретикой.

Много нового из книги можно узнать и о воплощении планов германизации Украины, в частности, создании подчиненными Гимmlера на севере Житомирщины немецкой колонии-поселения, названного нацистами «заповедником» (Hegewald).

При всем этом в работе присутствуют как ошибки, так и пробелы в повествовании, а также фрагменты, которые можно было бы написать иначе.

Чувствуются изъяны в историографической базе исследования. В частности, утверждается, что «на 1914 год Германия была третьей из самых крупных империй» (с. 39). Однако самыми обширными были Британская, Французская и Российская империи. Не обозначены особенности исследуемого региона по сравнению с другими областями Центральной и Восточной Украины. Поскольку территория, составившая основу генерального округа Житомир, в 1920–1939 гг. обладала статусом приграничной зоны, то там осуществлялся усиленный политический контроль.

В описании низовых чиновников оккупационной администрации, преимущественно украинцев, можно встретить обобщение: «Почти у всех у них было среднее школьное образование, и они принадлежали к профессиональным группам учителей, врачей... и библиотекарей» (с. 74). В СССР такими профессиями, как правило, занимались люди, имевшие высшее образование.

Использование устаревших результатов исследований показывает эмоциональный пассаж об участии представителей местного населения в Холокосте: «...Важно обозначить, что в житомирском регионе не выявлено ни одного доказательства, которое можно было бы сравнить с коллективными нападениями поляков в Едвабне в Польше на

евреев. В житомирском крае украинцы не составляли коллективных планов и не учиняли массовых убийств своих евреев-соседей отдельно от немцев» (с. 83). Для подкрепления мысли следует ссылка на книгу Яна Гросса «Соседи». Во-первых, после ее выхода методика работы автора с документами была поставлена под сомнение. Расследование показало, что число жертв погрома в пять раз ниже, чем цифры, приводимые в книге, к тому же трупы не подверглись ограблению⁵, как утверждается в монографии. А на основании немецких документов и материалов судебного процесса последовало доказательство: массовое убийство в Едвабне, как минимум, вдохновила, а то и организовала айнзатцкоманда СС под руководством оберштурманфюрера Германа Шапера⁶. Во-вторых, не ясно, почему советские украинцы сравниваются с поляками? Если следовать логике рецензируемой книги, то действия и бездействие населения Житомирщины следовало бы сравнить с прокатившейся по Галиции летом 1941 г. волной расправ, типологически сходных с происшествием в Едвабне.

Не всегда правильной представляется используемая лексика. Калькой с расистского термина «*Volksdeutsche*» является словосочетание «этнические немцы», повсеместно без кавычек употребляемое в книге – причем как в англоязычном, так и в украинском издании. Для обозначения данной группы следует использовать (возможно, в кавычках) термин эпохи – «*фольксдойче*» (он, к слову, в книге все же встречается, но редко), либо оперировать более громоздким, но зато точным словосочетанием «украинские немцы и жители УССР немецкого происхождения». Возражение вызывает и термин «арийцы», используемый без кавычек в том значении, которое ему придавали лидеры НСДАП.

Материальные поощрения, которые раздавали нацистские власти наиболее ревностным служителям «нового порядка», определяются в книге как «подкуп» и «взятка» (с. 222). Однако коррупция характеризуется,

⁵ Komunikat dot. postanowienia o umorzeniu śledztwa w sprawie zabójstwa obywateli polskich narodowości żydowskiej w Jedwabnem w dniu 10 lipca 1941 r. // Instytut Pamięci Narodowej (<http://www.ipn.gov.pl/portal.php?serwis=pl&dzial=365&id=4643>).

⁶ См.: *Musial B.* Thesen zum Pogrom in Jedwabne. Kritische Anmerkungen zu der Darstellung «*Nachbarn*» von Jan Tomasz Gross // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2002. – No. 50, H. 3. – S. 381–411.

во-первых, тайным характером сделки, во-вторых, незаконным оборотом денежных средств или услуг. В случаях, когда власть открыто мотивирует подчиненных, нормируя эти действия юридическими актами, правильные термины для этих выплат – премия и награда.

Некорректными выглядят наименование гетмана Павла Скоропадского как националиста (с. 42) и упоминание безымянных «украинских националистов», притеснявших немцев Житомирщины сразу по окончании Первой мировой войны (с. 37). УНР и ее руководители были социал-демократами. С другой стороны, лидеры УВО и ОУН в эмиграции противостояли Скоропадскому и гетманцам как консерваторам и монархистам.

Вероятно, ошибкой переводчика является украинская транскрипция фамилии Г. Геринга («Гьорінг»), хотя принятое в Украине написание – «Герінг».

Зачастую неверно обозначены населенные пункты и их административно-территориальная принадлежность и статус. В частности, местечко Бар на Подолье названо селом (с. 114). Село Вороновица в книге отнесено к Немировскому району Винницкой области (с. 144), однако во время описываемых событий Вороновица была райцентром Вороновицкого района, который в 1950 г. был присоединен к Винницкому району.

Ряд терминологических конструкций грешит категоричностью: «С точки зрения украинцев Житомирщины, схожесть оккупационного режима нацистов и Советов была поразительной» (с. 235). Для обоснования приводится несколько высказываний отдельных представителей местного населения – что уже само по себе не является репрезентативной выборкой, к тому же не указывается источник. Хотя, по словам самой В. Лауэр, население Житомирщины с нетерпением ожидало возвращения большевиков. Отметим также, что в культуре памяти нынешней Житомирской области советская идеологическая доминанта господствует. Даже среди маргинальных политиков и историков указанного региона советский режим оккупационным называть не принято. А в книге словосочетание «советская» или «сталинская оккупация» (с. 232, 239) мирно соседствует с термином «освобождение» (с. 164, 233, 234 и др.) применительно к продвижению Красной армии.

В ряде случаев отсутствует источниковедческий анализ.

Например, механически заимствуется информация из сообщения советской (!) прессы о том, что во Владимире-Волыньском, который, к слову, находится в 450 километрах от Житомирщины, в августе 1941 г. в погромах запянулись «петлюровцы» (с. 83). Петлюры на тот момент 15 лет уже не было в живых. К тому же, понятно, что журналисты не могли точно знать о событиях в уже глубоком немецком тылу.

Описание массовой казни евреев на рыночной площади Житомира приводится на основании свидетельств немецких солдат, к тому же данных в ходе судебного расследования (с. 105), т. е. с целью выгородить себя и сослуживцев. Поэтому выглядит весьма сомнительной общая картина, при которой толпа местных жителей хором предлагает палачам свести счеты «с тем или иным евреем». Не более реалистичной представляются и почерпнутые из того же источника сведения о том, что «женщины-украинки держали над головами своих детей». По меньшей мере странно полагать, что женщины стали бы стремиться к тому, чтобы их дети наблюдали жестокие сцены расправ, которые обычно травмируют и взрослых. Кроме того, казнь происходила в июле 1941 г., а советские агенты в отчетах о событиях в Житомире утверждали, что население города в этот период вело себя осторожно, заняв в отношении немцев выжидательную позицию⁷. Представленная в книге картина косвенно противоречит и этим аутентичным свидетельствам.

Несколько свидетельств тех, кто пережил Холокост, и касающихся участия украинцев в этом злодеянии, дополняются выводом: «...немецкие должностные лица провоцировали погромы, но они не желали пачкать собственные руки в крови, поскольку местная милиция (украинцы и этнические немцы), антисемиты и грабители были очень готовы в этом услужить» (с. 118). Сноска указывает: обобщение опирается на рапорт одного из немецких уполномоченных из Луцка (т. е. снова из-за пределов изучаемого региона), ссылавшегося на слова тамошней безымянной украинки, якобы прошептавшей ему на ухо о необходимости избавиться от евреев как от «злых язычников».

В книге встречаются и спорные трактовки источников. Так, из недельного отчета СД от 15 мая 1942 г. взята информация о том, что

⁷ ДАЖО, ф. 1376, оп. 1, спр. 2. – Passim.

полиция обнаружила в Житомире типографию фальшивых удостоверений личности и литературы украинских националистов-бандеровцев. Немцы были обозлены тем, что нашли расписки, которые указывали на то, что националисты продавали поддельные документы евреям. На основе этого документа автор делает вывод: «В действительности бандеровцы финансировали деятельность своих местных активистов за счет вымогательства денег у евреев...» (с. 215). Не понятно, каким образом продажа поддельных документов превратилась у автора в акт вымогательства. Ведь сделка, даже если она имела место, совершалась с угрозой жизни для обеих сторон. Следует отметить, что в ДАЖО хранится отчет следователей СД в отношении этого дела, где указано: «...установлено, что украинские националисты поставляли фальшивые паспорта не только своим членам, но и евреям»⁸. Здесь ничего не говорится даже о продаже.

Как видно из подбора источников, в целом книга следует линии одномерного⁹ описания оккупационной политики Третьего рейха сквозь призму документов завоевателей. В частности, упущен массив документов архива ЦДАГОУ: сведения, собранные агентурой и отрядами НКВД УССР, партийного подполья, партизанских формирований, составленные аналитиками справки и сводки, то есть огромный пласт ценнейших источников, обрисовывающих ситуацию на местности. Не использованы фонды Винницкого областного и городского архивов, а также белорусских архивов. Т. е. должным образом представлена лишь меньшая часть территории генерального округа Житомир. Не лишним было бы и использование материалов подполья ОУН и

⁸ ДАЖО, ф. 1151, оп. 1, спр. 14, арк. 14 зв.

⁹ В этом же ключе выполнен ряд работ: *Arnold K. J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegsführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». – Berlin: Duncker & Humblot, 2005; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – München, 2008; *Hartmann Ch.* Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland 1941/42. – München: Oldenburg, 2009; *Idem.* Die deutsche Krieg im Osten: 1941–1944; Facetten einer Grenzüberschreitung. – München: Oldenburg, 2009; *Hasenclever J.* Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion: die Befehlshaber der rückwärtigen Heersgebiete 1941–1943. – Paderborn [u. a.]: Schöning, 2010.

рейдовых отрядов УПА, хранящихся в ЦДАВОУ и архиве Ровенской области. Привлечение всех этих источников могло бы сделать повествование многомерным.

Поскольку оба рецензента специализируются на исследовании партизанского движения и отчасти культуры под оккупацией, то они смогли выявить фактические ошибки только в описании указанных тем. К «панорамным» мазкам относится следующий: «Региональные гражданские войны вспыхивали между разными этническими и политическими группами (сталинисты, коммунисты, националисты, сионисты), которые, с одной стороны, хотели победить нацизм, а с другой – пытались установить собственную власть на территориях, которые в свое время пребывали под немецкой оккупацией» (с. 212). Во-первых, межпартизанское противостояние в Украине 1943–1944 гг. нельзя назвать гражданской войной, т. к. оно являлось сплетением межэтнических конфликтов с национально-освободительной борьбой (сепаратизмом). Во-вторых, странным выглядит разделение на коммунистов и сталинистов, а также националистов и сионистов. В-третьих, информация о том, что в генеральном округе Житомир сражались сионисты, которые к тому же «пытались установить собственную власть на территориях», до настоящего момента в историографии не встречалась.

В описании действий партизан применяется классификация по разным основаниям: «Возмущенные украинцы, поляки и советские партизаны нападали на них [фольксдойче]» (с. 213). Две этнические группы отделяются от военно-политической силы. А ведь в исследуемом регионе на фольксдойче нападали только советские партизаны, состоявшие преимущественно из украинцев, но включавших в свои ряды и польское меньшинство.

Порой в исследование механически переносятся как представления оккупантов о событиях в регионе, так и их стиль: «В житомирском регионе партизанское движение в большинстве своем охватывало украинские националистические группы, кочующие банды (sic! – *Авт.*) борцов сопротивления и большие сталинские партизанские бригады, направленные из Москвы (например, конная бригада им. Ленина)» (с. 214). Названное формирование возникло в феврале 1943 г. на базе перешедшей к партизанской борьбе подпольной группы на территории

Винницкой области, и через год, достигнув 800 человек, было развернуто в кавалерийскую бригаду.

Не совсем верные цифры приводятся в отношении этнического состава украинских партизанских формирований: «Хотя население региона было украинским на 80 или 90 процентов, сталинские бригады состояли только наполовину из украинцев, в то время как националистические силы под руководством Андрея Мельника и Степана Бандеры были, что очевидно, в основном украинскими (минимум на 70%)» (с. 214). Ссылка на работу А. Вайнера раскрывает причину ошибки: в использованной работе речь идет о Якове Мельнике, командире советского Винницкого партизанского соединения, как раз и состоявшего на 70% из украинцев. Он спутан с руководителем одной из ОУН – Андреем Мельником. 78% личного состава самого крупного партизанского соединения Житомирщины – дивизии им. Щорса – были представителями титульной национальности¹⁰. И это не было исключением¹¹.

Правильным является утверждение о том, что Сидор Ковпак попал в исследуемый регион по воздуху, как и другие «...советские партизаны, доставленные в эту местность на парашютах» (с. 216–217). В регион самолетом был заброшен Сергей Маликов (который в книге назван Малиновым, с. 216). А Сумское соединение пришло на территорию Житомирщины в конце 1942 г. в ходе знаменитого Сталинского рейда. Важно и то, что большинство партизанских формирований Правобережной Украины было создано посланными с Левобережья партизанами преимущественно из местного населения.

Перечисляется ряд грабительских атак «народных мстителей» на немецкую колонию Хегевальд: «Советские партизаны (переименованные Сталиным в войска Красной армии в тылу) направили свое внимание на эту важную крепость нацистов» (с. 219). Приказ «вождя народов» о необходимости называть партизан красноармейцами до настоящего

¹⁰ ЦДАГОУ, ф. 67, оп. 1, спр. 1. – Passim.

¹¹ Этнический состав соединений представлен в справочнике: Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідкове видання / Авт.-упор. О.В. Бажан, А.В. Кентій, В.С. Лозицький та ін. – К., 2001. – Passim.

момента не выявлен. А материалы УШПД и подчиненных ему отрядов, оперировавших вокруг Хегевальда, показывают: колонии фольксдойче не интересовали центры руководства партизанами, да и внимание самих диверсантов привлекали редко. Для подтверждения мысли о том, что советские оперативники стремились убить Гитлера во время его визита в Хегевальд, следует ссылка на несуществующий номер журнала «З архівів ВучК-ГПУ-НКВС-КДБ» (№ 1/2, 1999).

В главе «Женщины и партизанское движение» описывается ранее неизвестный, единичный факт, когда женщина возглавляла партизанский отряд или, точнее, группу выживания (с. 223–227). Однако ни слова не сказано о печальной повсеместно распространенной практике обеспечения командного состава соединений т. н. «ППЖ» – «походно-полевыми» или «походно-партизанскими женами», что приводило к снижению авторитета «народных мстителей» у населения и негативно сказывалось на мобильности и дисциплине отрядов.

Существенным упущением является отсутствие материала о советском подполье Житомира, Винницы и других городов региона. Название главы «Отношения между населением житомирского региона и партизанами» (с. 220–223) не соответствует содержанию. В нем все сводится к противостоянию между старостами сел и партизанами и к репрессиям немцев по отношению к крестьянам, но ни слова не сказано об отношениях партизан и мирных жителей.

Существование на исследуемой территории отрядов националистов-мельниковцев (с. 214, 219) является легендой. Перекочевал этот «факт» в рецензируемую монографию из книги Джона Армстронга «Украинский национализм»¹², куда, как указывает ссылка, попал из воспоминаний мельниковца Олега Штуля.

Ссылками на работы известного специалиста В. Косика подкрепляется описание «объединения» различных групп националистов: «У Боровца, Мельника и Яценюка (который, к слову, не являлся, как указано в книге с подачи того же Армстронга, независимым партизанским лидером»¹³. – *Авт.*) не было другого выбора, кроме

¹² *Armstrong J. Ukrainian Nationalism. – 3rd ed. – Englewood, Colo, 1990. – P. 108.*

¹³ *Кеній А. Нариси історії українських націоналістів 1941–1942. – К., 1999. – С. 138; Верига П. Втрати ОУН в Другій світовій війні. – Торонто, 1991. – С. 163.*

как объединить свои националистические движения под руководством наиболее воинственного и популярного националистического вожака – Бандеры» (с. 219–220). На ту же работу автор ссылается и далее: «Слияние националистических партизан под командованием Бандеры означало, что объединяющий подход в этой борьбе наконец победил» (с. 220). Между тем, триумф «объединяющего подхода» был следствием насильственного переподчинения бандеровцами (сам Бандера, к слову, в это время находился в немецком концлагере) конкурентов с разоружением и даже убийством тех, кто не соглашался с таким «объединением».

Параграф «Украинские школы и массовая культура» (с. 146–147) в книге занимает чуть больше страницы и чрезвычайно упрощен. В отношении образования отмечается, что «сперва комиссары возобновили работу украинских средних школ. Но на конец 1942 г. работа школ высшего начального уровня стала просто фарсом, потому, что дети тринадцатилетнего возраста входили в число тех, кого забирали на принудительные работы» (с. 146). Ничего не сказано даже о самом наличии среднетехнических и высших образовательных заведений, изменении учебных программ, влиянии на образовательный процесс украинских националистов и советских агентов и партизан, конфликте во взглядах на образование в Украине между А. Розенбергом и Э. Кохом, о чем, например, детально писала Б. Ержабкова¹⁴. Данные по этим вопросам в избытке наличествуют в доступной тогдашней прессе региона, а также в документах фондов городских и областных (гебитс-) управ Житомира и Винницы. В действительности только в Винницком гебите в 1943 г. функционировало 45 семилетних школ¹⁵, в Житомирском – 23¹⁶, в Гайсинском, кроме начальных, существовало и несколько семилеток¹⁷.

¹⁴ *Ержабкова Б.* Шкільна справа та шкільна освіта в рейхскомісаріаті «Україна» (1941–1944) у світлі німецьких документів. – К.: Наукова думка, 2008. – 272 с.; *Jerabek B.* Das Schulwesen und die Schulpolitik im Reichskommissariat Ukraine 1941–1944 / Im Lichte deutscher Dokumente. – München: Ukrainische Freie Universität, 1991. – 240 s.

¹⁵ ДАВО, ф. Р-1112, оп. 1, спр. 135, арк. 38.

¹⁶ ДАЖО, ф. Р-1154, оп. 1, спр. 13, арк. 1.

¹⁷ *Гайсинська газета.* – 1943. – 5 вер.

Кроме того, в регионе был открыт ряд среднетехнических заведений и институтов. В генеральном округе в период оккупации, в разное время, обучение проводилось в следующих высших и среднетехнических заведениях: институтах – медицинском (Винница), педагогических (Винница, Житомир), высшей ремесленной и сельскохозяйственной школах, сельскохозяйственных школах среднего уровня в ряде сел, педагогических семинариях в ряде городов, техникумах – фармацевтическом, медицинском, строительном, энергетическом. Полностью отсутствует информация о работе в регионе культурно-просветительских организаций «Просвещение» (укр. – «Просвіта»), Студенческого украинского националистического союза (СУНС), Женской службы Украины (ЖСУ), имевших непосредственное отношение к тогдашней культурной жизни.

Некоторые стилистические особенности повествования могут сбить читателя с толку. Указывается, что «в Житомире немцы и их пособники убили 180 тыс. евреев за период с лета 1941 по осень 1943 года» (с. 95). Во-первых, не указан источник данных. Во-вторых, в октябре 1941 г. население Житомира насчитывало всего 36 тыс. 638 человек, из них 331 еврей¹⁸. Очевидно, что речь идет о жертвах во всем генеральном округе Житомир, а не в его административном центре.

Отбор фактического материала также вызывает замечания. Зверства, убийства, пытки, казни описаны в книге подробно. При этом экономике, главному измерению строительства едва ли не любой империи, посвящено две с половиной страницы (с. 125–128).

Несмотря на обозначенные недочеты, книга скорее приближает читателя к пониманию Второй мировой войны вообще и нацистской оккупации Украины в частности. Введены в научный оборот новые данные. Есть и тезисы, которые можно заимствовать, развивать или, наоборот, опровергать. Поэтому если в книге будут исправлены обозначенные ошибки, внесены документальные и тематические дополнения, то работа вполне заслуживает перевода на немецкий и русский языки, а также англоязычного и украинского переизданий.

¹⁸ ДАЖО, ф. 1153, оп. 1, спр. 7, арк. 15–17.